

## Введение

Многие авторы писали и пишут о религиозных истоках и религиозных основаниях Российской революции. Некоторые исследователи прямо сравнивали и сравнивают большевиков с религиозными течениями, а революцию — с религиозным преобразованием общества. Так, например, в недавней книге Юрия Слезкина коммунисты рассматриваются как одна из милленаристских «сект», которая безуспешно пыталась стать новой «мировой религией» XX века<sup>1</sup>.

Слезкин — не первый автор, указывающий на религиозную подоснову большевизма, достаточно вспомнить известную книгу Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» (впервые она была опубликована на английском языке в 1937 году). Бердяев исследует национальные корни советского проекта, указывая на его детерминированность российской культурой и историей, прежде всего историей русского православия: «Русские ортодоксы и апокалиптики и тогда, когда они в XVII веке были раскольниками-старообрядцами, и тогда, когда в XIX веке они стали революционерами, нигилистами, коммунистами»; «Воинствующий атеизм русских революционных, социалистических и анархических направлений был вывернутой наизнанку русской религиозностью, русской апокалиптикой»<sup>2</sup>. О связи большевизма с религиозностью Бердяев писал еще во время революции:

---

<sup>1</sup> *Slezkine Yu.* The House of Government: A Saga of the Russian Revolution. Princeton; Oxford : Princeton University Press, 2017. — 1104 p.

<sup>2</sup> *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж : YMCA Press, 1955. С. 9, 30.

«Большевизм есть социализм, доведенный до религиозного напряжения»<sup>3</sup>.

Но если многие исследователи подобно Бердяеву указывали на национальные, национально-религиозные истоки большевизма (прежде всего на православие), противопоставляя их иным культурам, а в некоторых случаях даже «экзотизируя» и Россию, и советский период в ее истории, постоянно подчеркивая исключительность страны и уникальное своеобразие ее культуры, то Слезкин помещает русский революционный эксперимент в глобальный контекст, сопоставляя его с иными сектами, иными религиями.

Другие авторы рассматривали большевизм как политическую религию или гражданскую религию. Такие тексты представляют интерес для авторов статей этого сборника, но в центре их внимания иные проблемы. Они пытаются изучать различные тактики легитимации, использовавшиеся участниками революционного движения, разными акторами в эпоху революции и Гражданской войны. В текстах исследуются тактики репрезентации, которые использовались для укрепления авторитета и в борьбе за власть. И особое внимание уделяется тактикам сакрализации и десакрализации, применявшимся разными политическими акторами. Другая тема этого сборника — встречный процесс, изучается влияние политической борьбы эпохи революции и Гражданской войны на язык религии и религиозные практики.

Авторы сборника исходят из представления о том, что политику в принципе невозможно представить без сакрализации. В этом отношении они разделяют подход тех авторов, которые полагают, что сакральное ядро занимает центральное место в политических процессах. Такова, например, позиция известного социолога Эдварда Шилса<sup>4</sup>. Сакральность, по его мнению, авторитетна по своей природе. Работы Шилса стали методологической основой некоторых исторических трудов. Их, в частности, использовали исследователи, изучающие современные политические культы. Ян Плампер, например, опираясь на труды этого исследователя, успешно использовал

---

<sup>3</sup> Бердяев Н. Религиозные основы большевизма // Русская свобода. 1917. N 16/17. С. 3.

<sup>4</sup> Shils Ed. Center and periphery: Essays in macrosociology. Chicago : University of Chicago Press, 1975.

понятия «сакральность» и «сакральная аура» при изучении культа Сталина<sup>5</sup>.

Изучение сакральности особенно важно для изучения истории революций и гражданских войн. Существует множество определений революции. В своем часто цитируемом исследовании Дж. Голдстоун описывает революцию как «насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов)»<sup>6</sup>. Если использовать это определение, то приходится признать, что революции возникли задолго до появления соответствующего термина. И цитируемый автор даже утверждает, что «революции также стары как мир». В качестве примера он приводит события в Древнем Египте, происходившие в XXII веке до нашей эры<sup>7</sup>. Соответственно, участники революций и гражданских войн обосновывали свои действия, используя религиозную аргументацию. Доктрины «теологии освобождения» были сформулированы в XX веке, а их создатели использовали современные им достижения социальных и гуманитарных наук, но «насильственное свержение власти во имя социальной справедливости» на протяжении многих веков часто обосновывалось теологически. Случай «Великого мятежа» в Англии XVII века особенно показателен: противоборствующие политические партии, боровшиеся за власть, представляли различные течения протестантизма, оформляя свои политические требования с помощью языка религии.

Все же процессы секуляризации оказали наибольшее воздействие на разработку концепций революции в XVIII веке, их теоретики все реже прибегали к языку религии. Напротив, требования секуляризации, антиклерикализм, борьба с «религиозными предрассудками» стали составлять важнейшие требования многих революционеров со времен Великой французской революции. Но все же различные революции и

---

<sup>5</sup> *Плампер Я.* Алхимия власти: Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010 (англ. изд.: *Plamper J.* The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power. Stanford [Calif.]; New Haven, 2012).

<sup>6</sup> *Голдстоун, Дж.* Революции: Очень краткое введение. М., 2015. С. 19. Англоязычная публикация этой книги появилась в 2013 г.

<sup>7</sup> Там же. С. 68–69.

впоследствии были связаны с религиозными течениями и подвергались религиозному осмыслению.

Во-первых, революционный потенциал различных религий не был исчерпан. Например, одной из грандиозных революций и гражданских войн Нового времени было Тайпинское восстание, идеологию которого нельзя понять без изучения религиозного сознания его участников. К тому же процесс секуляризации сопровождался и сопровождается волнами десекуляризации, в разных странах роль религии возрастает, что влияет на протекание революций и гражданских войн — достаточно вспомнить революцию в Иране.

Во-вторых, религиозное осмысление феномена революции нередко влияло на формирование антиреволюционных и — еще чаще — контрреволюционных концепций.

В-третьих, концепции революции к началу XX века приобретали все больший авторитет, а политические движения, набиравшие силу, нередко использовали если не революционную идеологию, то революционную риторику. И это не было монополией «левых» — показательное появление идей «национальных революций», «консервативных революций», «революций сверху». Это предопределяло выбор иных объектов политической сакрализации, например, «священными» могли объявляться нации. В этих условиях и представители разных конфессий стали активно работать с концептом «революция», включая его в собственные политико-теологические концепции. Так, например, революционерами считали себя и итальянские фашисты, и германские нацисты. Некоторые фашистские движения сочетали призывы к национальной революции с политико-теологическими теоретическими построениями. Так, например, румынские фашисты говорили о потребности «великой духовной революции всей нации». Правда, их идеи православного национализма и «героического христианства», включавшего, например, почитание «священного» подвига террористов-националистов, не находили поддержки у православного духовенства Румынии<sup>8</sup>.

Во всех этих случаях сакрализация и революционной, и контрреволюционной политики осуществляется при непосредственном

---

<sup>8</sup> Йордаки К. Фашизм в Центральной и Восточной Европе: Романтическая палингенезия и политическая религия «Легиона Архангела Михаила» в межвоенной Румынии // «Особый путь»: От идеологии к методу / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М., 2018. С. 384–458.

использовании языка религии (и эта тема находит отражение в некоторых статьях данного сборника). Но не меньший интерес представляют и те случаи, когда сакрализация сферы политического обеспечивается в условиях революций, провозгласивших секуляризацию одной из своих целей, а иногда и бросавших вызов религии.

В своем знаменитом исследовании праздников революционной Франции известная исследовательница Мона Озуф демонстрирует процессы, которые она именуется «переносом сакральности». Сотворение революционного праздника предполагает соединение политики с психологией, эстетики с моралью, пропаганды с религией. Праздник рассматривается Озуф как средство освящения актуального политического объединения против врагов революции. Празднование связано с соблюдением определенных правил — неисполнение их может привести к исчезновению сакральности. Места празднования приобретают сакральный статус, преобразуя место их проведения в своеобразный символический центр революции<sup>9</sup>. Озуф подчеркивает, что революционный вызов религии лишь усиливает необходимость сакрализации: «В мире, где христианские ценности утрачивают смысл, важнее всего потребность в сакральности. Общество, полагающее начало самому себе, должно освятить самый факт абсолютного начала»<sup>10</sup>. Идея «переноса сакральности» в условиях революции, отрицающей «старый режим», сформулированная М. Озуф, важна для статей этого сборника, прежде всего для текста К.В. Годунова, изучавшего первые празднования Октября. «Перенос сакральности» замечен и в «секуляризации мученичества», которую на примере ранних биографий революционеров-народников рассматривает Ю.А. Сафронова.

Статьи в нашем сборнике рассматривают сакрализацию в двух мощных конфессиональных традициях, имеющих глубокие корни, — это православие и суннитский ислам. Несмотря на то что кейсы исследований распределены так, что тематика православия представлена столицами и центральными районами России, а мусульмане оказались на ее «окраинах», в Поволжье и на Северном Кавказе, тем не менее, дискурс сакрализации политики и конфессионализации

<sup>9</sup> Озуф М. Революционный праздник, 1789–1799. М., 2003. С. 18, 60, 71, 81, 82 и др.

<sup>10</sup> Там же. С. 388–389.

политики не был зажат в географические и конфессиональные рамки. Хороший тому пример — инициированный мусульманской фракцией Государственной Думы Первый Всероссийский мусульманский съезд в Москве в 1917 г.<sup>11</sup> Тогда в речах делегатов — выпускников медресе, известных богословов с мировой славой — звучали призывы к миру, федерализации и равноправию.

В то же время в мусульманской среде была своя динамика. Особая ситуация сложилась в больших городах, куда устремились молодые выпускники медресе, искавшие для себя заработка<sup>12</sup>. Однако эта динамика во многом остается неисследованной из-за существующего в научной литературе фокуса на «образовательной реформе»<sup>13</sup> и особенно на изучении исламского модернизма.

Практики сакрализации в эпоху революции и Гражданской войны могут рассматриваться и как вполне прагматичные: в условиях политической и социальной нестабильности у каждого человека была возможность выбора языка горизонтальной и вертикальной коммуникации, а также выбора конкретных форм публичного поведения (*performance*). В этом отношении вполне оправданно наше внимание к гибридной, сложной субъективности и эмоциональной составляющей в реакциях и построении личных планов в эпоху Гражданской войны, особенно когда они окрашены одновременно в религиозные и политические полутона.

Неоднократно отмечалось, что в жизнеописаниях деятелей революционного движения ощущалось скрытое, а иногда и открытое влияние религиозной традиции, прежде всего христианской. Тексты и визуальные образы, созданные народниками, создавали канон революционной биографии, прославлявший героев, пророков и мучеников движения. Многие известные

---

<sup>11</sup> Протоколы Съезда были опубликованы Каримом Сагитовым в Петрограде: Бөтен Русия ысезедының протоколлары. Пг, 1917. О съезде см.: *Vospflug E. The Muslim "Federalist Debate" in Revolutionary Russia // Ab Imperio. 2017. Vol. 1. P. 131–162.*

<sup>12</sup> *Ross D. Caught in the Middle: Education Reform and Youth Rebellion in Russia's Madrasas, 1900–1910 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16(1).*

<sup>13</sup> *Tuna M. "Pillars of the Nation": The Making of a Russian Muslim Intelligentsia and the Origins of Jadidism // Kritika ... 2017. Vol. 18(2). P. 257–282.*

революционеры в своей жизни нередко ориентировались на этот канон, что оказывало огромное воздействие на политическую жизнь страны. Легитимация революционной борьбы и в частности революционного террора осуществлялась и с помощью разработки жанра «революционной агиографии», это уже давно отмечали исследователи. Складыванию же канона революционной биографии, опиравшегося на христианскую концепцию «мученичества», посвящена публикуемая в этом сборнике статья Ю.А. Сафроновой, которая вносит заметный вклад в разработку этой темы.

Если легитимация революционной борьбы требовала сакрализации грядущей революции, то делигитимация противника требовала нередко задач его десакрализации. Особое значение это имело для противников монархии в России: император был не только светским правителем, но и земным главой Православной церкви, который осуществлял некоторые функции, ранее исполнявшиеся патриархами. Официальный культ монарха переплетался с культом религиозным и в начале XX в. Царь земной порой воспринимался как «образ Царя небесного», культ царя был необходимым условием официальной религиозности, что до какого-то времени сдерживало распространение антимонархической пропаганды — это признавали и сами революционеры. Неудивительно, что некоторые радикальные интеллектуалы полагали, что борьбу с монархией следовало вести и в области религии, предпринимались различные попытки соединения религии и социализма, религии и революции<sup>14</sup>. Схожие идеи высказывали и некоторые политики, которым суждено было сыграть важную роль в революции: «Политика — эмпирия, а самодержавие — религия... с этой религией нужно бороться тем же оружием, т. е. религией, религиозным сознанием», — заявил А.Ф. Керенский 29 октября 1915 года на встрече радикальной интеллигенции столицы. Схожие взгляды высказывал и другой участник этой встречи, Д.С. Мережковский<sup>15</sup>.

Неудивительно, что революция 1917 года была для многих людей не только политическим, но и религиозным

---

<sup>14</sup> Показателен в этом отношении сборник «Царь и революция», выпущенный в Париже на французском языке в 1907 г. См. рус. перевод: *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов В.* Царь и революция. М., 1999.

<sup>15</sup> Отдел рукописей РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1606. Л. 112, 115.

переживанием. Некоторые аспекты десакрализации монархии рассматривались уже исследователями<sup>16</sup>.

При описании революции нередко использовался религиозный язык, установление нового строя часто именовалось «воскрешением», «воскресением», «возрождением» России, нередко сравнивалось с праздником Пасхи. В некоторых случаях речь шла не только об использовании сакрализирующего языка революции, но и о революционизировании революционных обрядов, проникновении революционных символов в церкви: к иконам прикрепляли красные ленты, во время религиозных процессий несли красные флаги. Особенно показательно «революционное» празднование Пасхи в 1917 году<sup>17</sup>. Использование же политического языка во время религиозных праздников и при описании этих праздников неизбежно способствовало сакрализации политического языка в глазах части верующих. К.В. Годунов в своей статье показывает, что сравнение революции с Пасхой имело продолжение, для большевиков «праздником праздников» стали годовщины Октября. Это было средством сакрализации мифа об основании нового государства.

Сакрализация подкреплялась и авторитетом некоторых религиозных мыслителей: «Может быть, с первых времен христианских мучеников не было во всемирной истории явления более христианского, более Христова, чем русская революция», — писал, например, Д.С. Мережковский. Свержение «цезарепапизма» («царепапизма») приветствовали и некоторые архиереи Российской православной церкви. Они прославляли освобождение страны и церкви от «оков», от «гнета» и «порабощения»<sup>18</sup>. Использование революционной риторики епископами придавало ей в глазах верующих особый авторитет.

В то же время часть православных христиан воспринимала свержение монархии как вызов своим религиозным убеждениям, как начало кощунственного похода против религии

---

<sup>16</sup> Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

<sup>17</sup> Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 56–79.

<sup>18</sup> Мережковский Д.С. Ангел революции // Русское слово. 1917. 1 апреля; Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.) : Исследования и материалы. М., 2011. С. 303–305, 314.